

В.В. Бочаров

**«РЕВОЛЮЦИЯ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ ВОСТОКА**

V. Bocharov

**'REVOLUTION' IN SOCIO-POLITICAL DEVELOPMENT
OF THE EAST**

Причина возникновения постмодернистских тенденций в социально-культурной антропологии, с их отрицанием объективистских научных теорий, так или иначе, основанных на эволюционной идее, состоит в том, что Восток демонстрирует отличный от Запада алгоритм общественно-политической динамики. Необходимо, как считает автор, разработать эволюционную теорию Востока, где особую роль играют «периферийные» революции. Истоки этих революций не в конфликте «традиционного» и «современного», как это трактуется теорией модернизации, а в конфликте, характерном для традиционного общества, который под воздействием политической культуры Запада разворачивается в свойственных ей символах. В результате данные революции имеют обратные результаты относительно целей, которые они провозглашают. В конечном счете, они ведут к новому этапу традиционализации (застою), который в свою очередь порождает новый революционный катаклизм, если властная «вертикаль» длительное время не обновляется.

The reason of appearance of postmodernist tendencies in socio-cultural anthropology with their negation of objectivistic scientific theories, anyhow, based on evolutionary idea consists that the East demonstrates algorithm of political dynamics distinct from the West. As the author considers it is necessary to develop the evolutionary theory of the East where the special role is played by 'peripheral' revolutions. Roots of these revolutions does not in the conflict between 'traditional' and 'modern' as it is treated by the modernization theory but in the conflict, characteristic for a traditional society. The last conflict under the influence of political culture of the West is developed in symbols peculiar to it. Therefore the given revolutions have return results concerning the purposes which they proclaim. Finally, they conduct to a new stage traditionalization

(stagnation) which in turn generates new revolutionary cataclysm if imperious 'vertical' is not updated for a long time.

Ключевые слова: социальная революция, культурная антропология, традиционное общество, теория модернизации, эволюция Востока.

Keywords: social revolution, cultural anthropology, traditional society, modernization theory, evolution of the East.

О постмодернистских тенденциях в социально-культурной антропологии

Сегодня социология практически утратила интерес к глобальным научным теориям (эволюционизм, функционализм, марксизм, теория модернизации и др.), сосредоточившись исключительно на эмпирическом изучении «повседневности». Все эти теории в той или иной мере придерживались эволюционной идеи, в рамках которой возникло понятие Цивилизации как венца общественного прогресса (Дикость — Варварство — Цивилизация: Э. Фергуссон, Л. Морган). Цивилизация, «цивилизованные отношения» — это результат общественного развития. Она связывается сегодня с господством частной собственности в экономике, с демократическим режимом в политике и правами человека в юридической сфере.

Вряд ли тенденцию, получившую развитие в науке, можно объяснить наступившим «концом истории», который констатировал Ф. Фукуяма, после краха СССР. По его мнению, эти события подтвердили, что в действительности «существует некоторая Универсальная История, ведущая в сторону либеральной демократии» (Фукуяма). По этой логике, естественным образом исчез и сам предмет научного интереса, т. е. процесс общественной эволюции. Представляется, что известный тренд в мировой науке обусловлен причинами как раз обратного порядка, а именно: государства Востока, декларируя, действительно, ценности либеральной демократии, не вписываются в них на практике. Даже в развитых государствах этого региона государство продолжает доминировать в экономике, с большим трудом функционируют демократические институты, а в юридической же сфере в реальности доминирует «теневое право» (Бочаров 2011б: 185–205; 2011в: 214–222).

Именно это, как представляется, и обусловило глубокий кризис идеи Универсальной Истории, а вместе с ней и эволюционистской парадигмы. В конце XX в. появилась «критическая теория», провозгласившая, что все построения западной науки о странах и народах Востока не реалистичны, а только конструируют западный миф о Востоке (Саид 2006). Отрицается сам факт существования «традиционного общества» (первобытного, примитивного), которое де — «иллюзия», сконструированная антропологами. В результате такие понятия, как «эволюция», «развитие», «прогресс» и вовсе объявлены «вне закона». Поэтому этот привычный для социально-культурной антропологии объект исследования должен быть заменен Культурой (Курег 1988).

Социально-культурная антропология вообще стала рассматриваться «как дисциплина, являющаяся ядром наук о культуре» (Адамопулос, Лоннер 2003: 47). Культура же понимается как субстанция, не подверженная общим законам

эволюции. Показательный пример демонстрирует В. Тишков в своем исследовании «чеченской войны». Критикуя этнографов, предлагающих образ чеченского общества как «традиционного, иррационального, разделенного, статичного и непоколебимого», он пишет: «Мы имеем дело с феноменом антропологического и неколониального по своей глубокой сути редукционизма, когда по разным причинам культурно отличный, но современный народ квалифицируется как “древний племенной этнос” или как “досовременная этническая нация”» (Тишков 2001). Иными словами, объект исследования идентифицируется как *современная* (и *уникальная*) культура, хотя этнографы фиксируют наличие в ней архаических институтов (рода, клана и др.), определявших некогда, как известно, и западный общественный субстрат. Наверно, подобное утверждение во многом продиктовано не только соображением политической корректности, — действительно, не факт, что данный субстрат вообще когда-либо исчезнет на Востоке. Во всяком случае, развитые страны, как отмечалось, дают весомые основания для подобного рода предположений. Поэтому речь должна идти о существовании различных траекторий развития Востока и Запада, т. к. первый не остается неизменным, а «архаические» модели встраиваются в новый социокультурный контекст, играя в нем не свойственную им ранее роль.

Отказ науки от объективистских концепций, соотносящихся преимущественно с парадигмой «общество», в пользу «культуры», не подверженной объективным законам развития, по сути, ставит непреодолимую преграду на пути теоретического осмысления развития Востока. Уникализация объекта неизбежно влечет за собой персонализацию метода. В крайнем варианте это приводит к полному отождествлению субъекта (т. е. ученого) и объекта («объективация субъекта»), где эмоциональные переживания исследователя, погруженного в изучаемую культуру, объявляются критерием истины. Фактически наука замещается искусством как одним из способов познания объективной реальности. Эти тенденции в африканистике достаточно подробно разобраны в статье И.В. Следзевского (Следзевский 2002: 5–18.).

Действительно, не находя аналогий в других обществах, ученый неотвратимо при анализе тех или иных реалий прибегает к морально-этическим и нравственным оценкам конкретных персон, заменяя тем самым науку публицистикой. Например, П.И. Смирнову причины «катастрофического» положения России после развала СССР видятся «в аморальном поведении советской власти» (Смирнов 2001: 257). Б. Раушенбах увязывает причины «неудач» России на пути к цивилизации с тем, что «у власти в России всегда были плохие люди» (Раушенбах 1999).

О «периферийных» революциях

Историческое развитие общества (прогресс) тесно переплетено с понятием «революция». На Периферии (незападе или Востоке) революционизм вообще носит перманентный характер. Революции здесь именовались либо национально-освободительными, либо социалистическими, в отличие от буржуазных (западных). Абсолютное большинство государств после достижения на-

циональной независимости погрузилось в эпоху революций. Это же характерно и для стран социализма. Словом, революция — это устойчивый элемент исторической динамики Востока, т. е. *объективная закономерность*. Однако она не может быть понята, исходя из существующих в науке подходов, сформировавшихся на материалах анализа буржуазных революций Запада. Кстати, последние революционные события в СССР, приведшие к его распаду, не смогли объяснить ведущие советологи, для которых, по их же признанию, они явились полной неожиданностью. Показательно и название труда, вышедшего в 1993 г., в котором они и попытались осмыслить причины: «Странная смерть советского коммунизма» (The strange... 1993).

Неудивительно, что, не находя объективной «точки опоры», ученые все чаще склонны интерпретировать подобные революции на базе субъективного фактора. Например, причины российских революций XX столетия нередко усматриваются то в личности Николая II, то Г. Распутина, то в «демонической» фигуре В. Ленина и т. д. Последние же революционные перемены связываются с фигурами Б. Ельцина и М. Горбачева. На наш взгляд, для понимания исторической динамики Востока необходимо установление *объективных причин*, определяющих эти самые «периферийные» революции.

Действительно, обнаруживаются глубокие различия между буржуазными революциями Запада и революциями Периферии. Если к первым вполне применима классовая теория, то вторые в нее никак не укладываются, по причине отсутствия там данных классов. И лидерам пришлось, порой, прилагать немало усилий, чтобы выдать эти революции за социально-классовые. Например, В.И. Ленин создал специальный труд «Развитие капитализма в России», чтобы легитимировать возможность социалистической революции в рамках марксистской теории. Хотя история расставила все на свои места, а мы в результате получили вместо марксистской версии «цивилизации» (социализма-коммунизма) азиатско-деспотический режим.

Неправомерно также определять «великие социалистические революции» XX в. как «перевороты» или как результат «борьбы элит», хотя бы потому, что они сопровождались массовым насилием (гражданскими войнами), в которое было втянуто большинство населения данных стран.

Неправомерно трактовать национально-освободительные революции 1960-х и как реакцию покоренных народов на иноземную эксплуатацию. Во-первых, нельзя говорить о каком-то «национальном самосознании», якобы присущем колониальным народам, т. к. индивид в традиционном обществе не идентифицировал себя с «нацией», а с родом, кланом, племенем, возрастной группой. Во-вторых, подчинение силе традиционная ментальность воспринимала вполне легитимным. Поэтому политическая культура данных народов еще до контакта с европейцами трактовала силовое устранение правителя (убийство, отравление) как законное, полагая, что новая власть доказала этим самым, что обладает большим магическим потенциалом, чем прежняя. Во всяком случае, полевые материалы колониального периода по Африке говорят о том, что «туземцы» с сакральным пиететом воспринимали власть «белых людей» (Бочаров 2006: 169–219).

Нельзя рассматривать эти революции и как восстание Нищеты против Богатства. Экономические антропологи (К. Поланьи, М. Мосс и др.) убедительно доказали, что Нищета — понятие социокультурное, и носители традиционных культур не считали себя нищими, не стремились к обладанию избыточными, по их представлениям, материальными ресурсами. Этот феномен получил название «моральная экономика». И, действительно, «туземцы» нередко восставали против внедрения колонизаторами новых форм экономической деятельности, хотя они были выгоднее прежних (с точки зрения европейцев), но противоречили их мировоззренческим и идеологическим ценностям (Бочаров 2011б: 185–205).

Коренное отличие «периферийных революций» от западных аналогов, — их иррациональность, в том смысле, что результаты противоположны декларируемым целям. Вместо экономического прогресса еще больший регресс. Так, Октябрьская революция, по мнению многих, воспрепятствовала движению страны к рыночной экономике. Да и последняя революция, связанная с распадом СССР, вопреки декларациям, не привела к экономическому процветанию ни самой «метрополии», ни входивших в его состав «колоний», более того, их экономическое положение значительно ухудшилось. Большинство стран Африки, в свое время «скинувшие оковы колониализма», до сих пор не могут достигнуть экономических показателей, характерных для того периода. Порой эти революции и вовсе обернулись экономической катастрофой (Северная Корея или Куба).

Гуманистические идеалы, формировавшие их лозунги, на деле обернулись подчас беспрецедентным насилием по отношению к собственному населению. Сегодня демократические институты если и существуют, то носят откровенно декоративный характер. Даже в Японии, по мнению авторитетных специалистов в области сравнительного правоведения, политико-правовой режим определяется как «внешний конституализм» (Дэвид 2003).

Представляется, что «периферийная революция» может быть раскрыта в рамках концепции «периферийного развития», отражающей процесс общественно-исторической динамики Периферии.

Периферийное развитие: общество и культура.

Первоначально определим понятия *общество* и *культура*, что представляет принципиальным для предлагаемой концепции. Сегодня получило широкое распространение понятие «социокультурный», в котором вроде бы отражается несовпадение *социального* и *культурного*. По факту же термины *культура* и *общество* употреблялись (и продолжают употребляться) в качестве синонимов. Н.М. Гиренко справедливо подметил, что при всем множестве существующих определений *культуры* она повсеместно противопоставляется *природе* как небиологический биологическому способу производства и передачи информации, хотя в данном случае на место *культуры* может быть с таким же успехом поставлено *общество*. Словом, *культура* и *общество* выступают как однопорядковые величины. Он же противопоставляет *природе* именно *общество*, а *культура* — есть форма реализации конкретного общественного бытия (Гиренко 2004:

472–495). Приняв эту идею, мы получаем вместо дихотомии *природа — культура*, триаду *природа — общество — культура*. Отметим, что подобный подход нашел понимание и у западных антропологов (Jerman 1977).

Развивая эту идею, заключаем: *общество* мыслится как абстракция (философская), состоящая из таких же абстрактных индивидов, создающих в процессе деятельности социальные институты, рассматриваемые как универсалии. Оно развивается в историческом процессе от простого к сложному (от Дикости к Цивилизации или от Традиционного к Индустриальному). *Культура* же — это форма реализации общественного бытия. Она всегда конкретна, дана человеку в его ощущениях. Иными словами, *общество* явлено в виде различных *культур*, которые действительно уникальны в силу того, что детерминированы не только социально-экономическими факторами, как *общество*, но и климатическими, демографическими факторами, а также традициями. *Культура* обладает относительной самостоятельностью, проявляющейся, в частности, в том, что обладает меньшей скоростью исторической динамики, нежели *общество*. Наиболее наглядный пример — Япония, в которой развитие (по эволюционной шкале) социальные институты бытуют в весьма архаичной (по тем же критериям) форме (Культуре).

Исходя из вышеизложенного, «периферийное развитие» (или *культуральное*) определяется как отличное от «центрального» (или *социетального*) прежде всего ролями, которые играют в них *общество* и *культура*. Если при «центральном» развитии *общество* порождает новые культурные формы (*культуру*): экономические, политические, правовые и т. д., то при «периферийном» развитии происходит все наоборот. *Общество* заимствует данные формы, предполагая, что они соответствующим образом его трансформируют, т. е. сделают адекватными себе (подробнее см.: Бочаров 2008: 7–13).

При подобном понимании «периферийного развития» в центре внимания оказывается привычный для антропологии объект — традиционное Общество, взаимодействующее с западной Культурой. *Здесь принципиальный вопрос — отношение к Традиционному Обществу.*

«Традиционное общество» и современный революционизм Востока

Я вполне согласен с критикой В.А. Тишкова тех, кто считает традиционное общество «статичным и непоколебимым» (Тишков 2001: 507–509). Это характерно не только для «неоколониальной этнографии» (по словам автора), но и для социологической теории модернизации, в рамках которой сегодня рассматриваются общественные процессы на Периферии. И у тех, и других есть на это объективные причины, связанные со сложившимся исторически разделением труда. Антропологи преимущественно заняты локальными обществами (Культурами), их методы в принципе ориентированы на исследование синхронии. Что же касается социологов, использующих теорию модернизации, то они попросту не знают традиционного общества, социологическая теория которого мало разработана. А поэтому и приходится обращаться, в лучшем случае, к наследию Л. Моргана, которое, несомненно, устарело, учитывая огромный массив конкретных этнографических материалов, введенных в научный оборот

после него. Поэтому конфликты, приводящие традиционное общество в движение, видятся им в столкновении «традиционного» и «современного», возникающего в процессе взаимодействия традиционных и западных культур. При этом «современное» признается активным элементом, «традиционное» же трансформируется, адаптируется или конфликтует. Перенесение же конфликтов в сферу *Культуры* как раз и ведет к тому, что они трактуются либо как конфессиональные, либо как этнические.

Однако, как убедительно продемонстрировал В.А. Тишков на примере Чечни советского периода, сосуществование «традиционного» и «современного», которое там имело место, не продуцировало никакого конфликта: «глубокая советизация, включая советский патриотизм и лояльность власти, были характерны для большинства чеченцев и ингушей» (Тишков 2001: 54, 61, 78, 79). Он также доказывает, что не было и религиозных причин конфликта (Там же: 332). *В результате какие бы то ни было объективные причины для конфликта как бы исчезают, и, соответственно, вектор поиска устремляется в субъективную сферу.*

Мы же исходим из того, что *Традиционное Общество* не было «статичным и непоколебимым», а включало множество противоречий, которые существовали в виде *социальных напряжений*. Эти противоречия, правда, «снимались» традицией, включавшей в себя экономические, социальные, идеологические и психологические механизмы (Бочаров 2000: 104–114). Подобное состояние *Общества* можно определить как *динамическое равновесие*. Однако при воздействии на него западной *Культуры* равновесие нарушается, противоречия актуализируются, вследствие чего *Общество* приходит в движение. Таким образом, вектор этого движения определяется не противоречиями между «традиционным» и «современным», а *собственной логикой, заложенной внутри Традиционного Общества*. В то же время оно осуществляется в несвойственной ему форме (традиционной *Культуры*), по причине бикультурности акторов общественного процесса, оформляющих свою деятельность средствами западных политико-культурных символов.

Социально-возрастной конфликт как источник «периферийных революций»

Истоки современного восточного революционизма можно объяснить в частности социально-возрастным конфликтом, заложенным в традиционном обществе. На африканских материалах доколониального периода видно, что если старшие вопреки традиции пытались продлить свое привилегированное положение и тем самым затормозить социальный рост молодежи, то и там это приводило к «революциям» (Altricham 1955: 104–106). В колониальный же период, под воздействием западной культуры, социально-возрастной конфликт трансформируется в конфликт между интеллигенцией и властью, разрешение которого привело к национально-освободительным революциям (Бочаров 2001: 39–88).

После деколонизации этот конфликт переместился в сферу властной «вертикали», которая повсеместно на Востоке является главной интегрирующей силой. Короче говоря, если правящий класс не уступает место молодежи, кото-

рая по праву (обычному праву) считает, что созрела для управления общественными делами (как это было в традиционном обществе), то происходит революционный взрыв. Заметим, что последние «арабские революции», получившие уже название «революции менеджеров», как раз и произошли в странах, в которых длительное время правящий класс не обновлялся. Кстати, в Танзании Дж. Ньерере, авторитарный режим которого был одним из самых стабильных на континенте, периодически, как известно, обращался к бюрократии с настоятельной просьбой уйти в отставку, ссылаясь на африканские доколониальные традиции. Но, в отличие от традиционных обществ, подобные революции осуществляют не «туземцы», а образованные люди, и лозунги поэтому соответствующие, т. е. адекватные западной политической культуре.

Как известно, Мао Цзедун в Китае также предпринял меры по регулированию социально-возрастного конфликта внутри партийно-государственного аппарата во времена «культурной революции», когда руками молодежи (хунвэйбинов) было отстранено от власти старшее поколение бюрократов, что, несомненно, продлило жизнь его режиму.

Революционизм России во многом имеет то же объяснение. Социально-возрастные напряжения, судя по историческим данным XIX в., существовали и в русской общине (Бочаров 2000: 169–184). После реформы 1861 г. резко возросло число «людей с дипломами», т. е. интеллигенции, вышедшей из низших слоев. Эти люди видели обретение социальной полноценности в рамках госслужбы, куда доступ для большинства из них был закрыт. Именно интеллигенция, как, собственно, и в Африке, совершила социалистическую революцию. В СССР в сталинский период обновление аппарата осуществлялось посредством механизма репрессий, когда физически уничтожались целые поколения бюрократии на всех уровнях иерархии. В результате «молодежь» удовлетворяла свои социальные амбиции. Однако подобный конфликт в рамках «вертикали» резко обострился в 80-е гг. XX в. Эпоха «застоя», в течение которой (18 лет правления Л.И. Брежнева) правящий класс практически не обновлялся, привела к геронтократизации бюрократической системы, что создало тромбы в каналах, обеспечивавших социально-возрастную динамику, и тем самым предопределила крах системы. Она взорвалась изнутри, от чрезмерного напряжения, которое долгие годы испытывала, вследствие неурегулированности социально-возрастных отношений внутри себя. Любые другие причины не несли в себе фатальной неизбежности ее столь быстротечного краха, о чем, как выше уже отмечалось, писали западные советологи.

Однако революции на Востоке, в отличие от буржуазных революций Запада, хотя и производятся во многом под аналогичными лозунгами, в конечном счете, заканчиваются «традиционализацией», т. е. возвратом к прежним по содержанию экономическим и социально-политическим способам бытия. Это, как правило, ведет к следующей революции с аналогичным результатом. Сегодня уже можно говорить о «революции» как «традиции», присущей Востоку. Периодичность, по-видимому, зависит от способности верховной власти к обновлению «вертикали», что позволят своевременно устранить источник конфликта внутри нее.

Литература

Адамопулос Д., Лоннер У.Дж. Культура и психология на распутье: историческая перспектива и теоретический анализ // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. М., 2003.

Бочаров В.В. Власть. Традиции, Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки. М.: Наука, 1992.

Бочаров В.В. Социально-возрастной конфликт и политические катаклизмы в российском обществе // Антропология возраста. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

Бочаров В.В. Интеллигенция и насилие. Антропологический аспект // Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001.

Бочаров В.В. Африканистика и политическое развитие России // Манифестация. Учебно-теоретический журнал. СПб.: Европейский дом, 2003.

Бочаров В.В. Истоки власти // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. Т. 1.

Бочаров В.В. Россия: Культура против Цивилизации // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX — начала XXI вв. Материалы всероссийской конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008.

Бочаров В.В. Антропология, социология и востоковедение // Введение в востоковедение. СПб.: Каро, 2011а.

Бочаров В.В. Экономика Востока в антропологической перспективе // Введение в востоковедение, СПб.: Каро, 2011б.

Бочаров В.В. Право на Востоке // Введение в востоковедение. СПб.: Каро, 2011в.

Гиренко Н.М. Взаимодействие культуры и общества // Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб.: Sargilon, 2004.

Дэвид Р. Различные концепции общественного порядка и права // Отечественные записки. 2003. № 2. [<http://www.strana-oz.ru/?ozid=11&oznumber=2>].

Раушенбах Г. У нас власть плохих людей // Мир за неделю. 1999. № 17. 18—25 декабря.

Саид В.Э. Ориентализм: Западная концепция Востока. СПб.: Русский мир, 2006.

Следзевский И.В. Ускользящий объект исследования: познавательный кризис в Африканистике // Восток. 2002. № 2.

Смирнов П.И. Социология личности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.

Фукуяма Ф. «Конец истории и последний человек». [<http://nietzsche.ru/influence/philosophie/fukuama/>].

Altricham R. Kenya's opportunity. L., 1955.

Jerman E. Between Five Lines: The Development of Ethnicity in Tanzania with Special Reference to the Western Bagamoyo District. Saarijarvi: Transactions of the Finnish Anthropological Society No 38; Uppsala: The Nordic Africa Institute, 1977.

Kuper A. The invention of primitive society: Transformation of an illusion. London & New York: Routledge, 1988.

The Strange Death of Soviet Communism // National Interest. 1993. Special issue.